

Юэ Цзиньтань молча подошел к Цзин У и замер рядом, безучастно взирая на происходящее.

Следом приблизился Тан Чжэнь. Заметив в руках Цзин У бумажную записку, он почувствовал смутное беспокойство и невольно спросил:

— Что это?

Цзин У скрытничать не стал и протянул бумажку Тан Чжэню.

— «Кровавый кролик»? Что еще за чертовщина? Мы ведь не видели других кроликов... — Тан Чжэнь осекся на полуслове. В памяти мгновенно всплыло то, как Цзин У заманил сюда скульптуру девушки, уверяя, будто заметил за дверью пару огромных багровых глаз.

Цзин У уловил проблеск понимания на его лице и не стал пускаться в лишние объяснения.

Очевидно, Кровавый кролик и был тем самым существом с горящими красными глазами. Теперь хотя бы прояснилось, с каким именно чудовищем они имеют дело.

Тот же кролик, только увеличенный в сотни раз.

Если остальные кролики сохраняли свои обычные размеры, перенимая лишь человеческие черты у тех, кто вытягивал записки, то этот гигант выбивался из общего ряда. У Цзин У зародилось нехорошее предчувствие.

Что, если прообразом для Кровавого кролика изначально послужил какой-то колоссальный монстр?

— И где теперь Тан Мян? Жив он вообще? — глухо спросил Тан Чжэнь. Поначалу его дико раздражало, что двоюродный брат вдруг стал невыносимо болтливым и тупым. Теперь, когда выяснилось, что перед ними был самозванец, все встало на свои места.

Но это порождало новый, куда более пугающий вопрос: если здесь разгуливала фальшивка, то куда делся настоящий Тан Мян?

— Не переживай, — сухо обронил Юэ Цзиньтань. — Дуракам везет, так что он наверняка цел.

Тан Чжэнь только криво усмехнулся.

Если бы Тан Мян узнал, что даже великий Бог Юэ считает его непроходимым глупцом, он бы точно сгорел от стыда. Конечно, при условии, что он все еще жив.

— Когда ты понял, что его подменили?

— Подозрения закрались с самого начала. Но тогда я думал, что в него просто вселился призрак, и помалкивал, чтобы не подставить парня под удар, — Цзин У уставился на закрытую дверь, словно силой взгляда пытаясь разглядеть оставшегося по ту сторону самозванца. Тот старательно копировал чужие повадки, жесты и мимику, причем усерднее всего подражал именно Цзин У.

Однако Цзин У прекрасно помнил, как Тан Мянью до дрожи его боялся. Настоящий Тан Мянью ни за что не осмелился бы вести себя так развязно.

Чем идеальнее была копия, тем очевиднее проступала фальшь.

— А когда мы пришли сюда и увидели ту деревянную скульптуру из рук, всё окончательно прояснилось. Это было не одержимостью, а полной подменой.

При взгляде на деревянное изваяние, усыпанное ладонями, Тан Мянью вещал словно по заранее написанному сценарию. Пока остальные пытались разглядеть детали и уж тем более гадали, скрывается ли что-то в зажатых кулаках, тот уверенно заявил, что внутри лежат записки, а позже без тени сомнения предположил, что на них записаны правила.

Откуда ему было знать?

Варианта виделось два: либо он сам когда-то открывал их, либо это изваяние — его собственное творение.

К тому же фальшивый Тан Мянью утверждал, что все кулаки сжаты, кроме того, что торчит изо рта скульптуры. Мол, эта ладонь раскрыта и таит в себе нечто особенное.

Но если вдуматься: скульптура выполнена в человеческий рост, голова обычного размера, а рука в ее рту настолько крошечная, что ее и при дневном свете трудно разглядеть. Как Тан Мянью в крошечной темноте, под блеклым сиянием звезд и без всякого фонарика умудрился рассмотреть раскрытую ладонь?

И как он догадался, что записки там уже нет?

Она ведь могла просто провалиться глубже в глотку. Его уверенность выдавала лишь одно: он сам забрал эту бумажку.

— Мне вот только интересно, как Юэ Цзиньтань сразу понял, что это двойник, а не просто одержимый? — Цзин У выстраивал свои выводы на мелочах, но его напарник, похоже, раскусил подделку с первого взгляда.

— Настоящий Тан Мянэ никогда бы не посмел так безудержно болтать при мне. Наоборот, он бы забился в угол и рта не раскрывал, — бесстрастно отозвался Юэ Цзиньтань. — К тому же одержимость не стирает личность подчистую. И самое главное — у меня особая конституция тела. Одержимые не могут даже приблизиться ко мне.

Услышав это, Цзин У не удержался. Он протянул руку и бесцеремонно облапил... грудь Юэ Цзиньтаня.

В ту же секунду из темноты бесшумно вынырнул Обольстительный кролик. Встав за спиной Юэ Цзиньтаня, он изо всех сил потянулся на цыпочках и крепко вцепился лапками в его упругие ягодицы...

В голове Юэ Цзиньтаня с оглушительным треском лопнула струна терпения.

— ЦЗИН У!!!

— Ну ты же сам сказал, что у тебя тело особенное, вот мне и стало любопытно, в каком именно месте, — Цзин У ухитрился ущипнуть его еще раз, прежде чем Юэ Цзиньтань со злостью шлепнул его по руке. Цзин У скорчил обиженную гримасу. — До сердца твоего мне все равно не дотянуться, так хоть за грудь подержусь.

Юэ Цзиньтань лишь злобно усмехнулся: надо же, этот наглец его лапает и сам же строит из себя жертву!

Тан Чжэнь со спутниками молча наблюдали за разворачивающейся сценой, не смея вставить ни слова.

С одной стороны, зрелище захватывало дух, с другой — они всерьез опасались попасть под горячую руку. В таком смятении чувств они и продолжали глазеть на происходящее.

— Хи-хи-хи-хи! — раздался вдруг пакостный смешок.

Обольстительный кролик резко подпрыгнул, уцепился лапками за ремень Юэ Цзиньтаня и изо всех сил потянул брюки вниз!

Хрясь!

Юэ Цзиньтань, даже не оборачиваясь, резко выбросил ногу назад. Обольстительный кролик улетел в заоблачные выси, стремительно превратившись в крошечную черную точку и растаяв в ночном небе над лабиринтом.

Трессь!

Похотливый пушистый гад оказался на редкость упрямым. Даже улета в стратосферу, он мертвой хваткой цеплялся за ремень. Раздался оглушительный треск разрываемой ткани: кожаный пояс Юэ Цзиньтаня оторвался вместе с куском шлевок.

Юэ Цзиньтань застыл.

Летишь — так лети молча, зачем штаны портить? Этот кролик своим поведением один в один напоминал одного невыносимого босса.

К счастью, сами брюки выдержали натиск и не сползли, пострадали только шлевки.

Цзин У покачал головой с легким разочарованием:

— Ты эти штаны на распродаже во время стрима покупал? В них же целая футбольная команда поместится.

— Про команду не знаю, но тебя туда запихнуть точно получится, — процедил Юэ Цзиньтань.

— Ой, ну что ты, мы еще слишком мало знакомы для таких нежностей, — притворно засмутился Цзин У.

Со стороны казалось, что они увлечены только своими пикировками и совершенно не замечают опасности. Однако стоило Цзин У договорить последнюю фразу, как оба среагировали мгновенно.

Грохнуло.

Дверь снова распахнулась. Фальшивый Тан Мян, как и ожидалось, не собирался сдаваться и ринулся в атаку. Но в тот же миг Юэ Цзиньтань швырнул в него запертый ларец, отобранный у скульптуры девушки, замаскировав его среди десятков мелких острых снарядов. Цзин У, оттолкнувшись от оживших, извивающихся побегов на земле, взмыл в воздух и в полете нацелил сокрушительный удар ноги прямо в голову самозванца.

Часть скрытого оружия самозванец отбил, часть вонзилась в его плоть, но главное — он с размаху разбил запертый ларец, высвободив его содержимое.

Из обломков ларца выпорхнул изящный серебряный полумесяц размером с ладонь. Он стремительно увеличился в размерах, заливая все вокруг ослепительным, режущим глаза сиянием.

Фальшивый Тан Мян истошно завопил, зажимая лицо руками.

В этот миг нога Цзин У обрушилась на его голову. Раздался тихий свист, с каким сдувается пробитый воздушный шар, и голова самозванца мгновенно спалась, а за ней начало оседать и сморщиваться все его тело.

Лунный свет, словно обретя разум, сфокусировался на угасающей фигуре, заставляя сухую оболочку плавиться и растекаться.

Вдруг из сморщенной шкуры вырвался темный силуэт. Несколько стремительными прыжками он преодолел живую изгородь и мгновенно растворился в ночи.

Светящийся полумесяц опустился на останки лже-Тан Мяня, плавя кожу и плоть, словно воск на горячем пламени. Белесая жижа просочилась глубоко в землю.

Редкие искры, похожие на светлячков перед зимними холодами, опустились на траву и угасли в темной почве.

— Тебе не кажется, что в лабиринте стало светлее? — спросил Цзин У. Его обостренное зрение улавливало малейшие колебания освещенности.

Он резко подпрыгнул, стараясь в высшей точке прыжка заглянуть за живую изгородь.

Разница была очевидной: отдаленные коридоры лабиринта по-прежнему тонули в глухой, непроглядной тьме. И чем дальше вела тропа, тем гуще становился этот мрак.

— Интересно, что случилось бы с обычным человеком, открой он этот ларец? — задумчиво спросил Юэ Цзиньтань.

Теперь, когда магический свет угас, брошенный на землю ларец покрылся слоем ржавчины и лишился своей пугающей ауры, превратившись в обыкновенную жестянку.

Юэ Цзиньтань все же поднял его. Взглянув на выгравированный полумесяц, он невольно усмехнулся: производитель оказался на удивление честен — что снаружи нарисовано, то внутри и лежало.

— Нужно шевелиться. Мое чутье подсказывает, что если весь этот лабиринт осветится, ничем хорошим это не кончится, — поторопил Цзин У. Закаленный множеством смертельных испытаний в Книге кошмаров, он научился доверять своей интуиции.

Линь Юань, нервно теребя край кофты, робко согласилась:

— Да... мне тоже кажется, что обстановка накаляется.

Когда двое вынесли столь однозначный вердикт, спорить никто не стал. Группа быстро приготовилась к действию.

На изваянии по-прежнему торчало множество деревянных рук. Если проверять их поочередно, у них просто не хватит людей, а попытка схватить сразу несколько ладоней каралась сокрушительным ударом — Тан Чжэнь уже успел убедиться в этом на собственном опыте, заработав внушительный синяк под глазом.

Но хуже всего было то, что призыв нескольких кроликов одновременно сулил огромные неприятности.

Немного поразмыслив, Цзин У решил взять инициативу в свои руки. Он бесстрашно шагнул к деревянной скульптуре и разом задел больше десятка ладоней:

— Приветствую, дорогие! С вами ваш верный Кролик-лавелас Цзин У. Запомните это имя и любите меня всем сердцем! Чмоки-чмоки!

Он принялся хаотично гладить ладони сверху вниз и слева направо. Деревянные пальцы дергались, словно от удара током. Одни поспешно швыряли записки и втягивались обратно, стремясь поскорее избавиться от навязчивого гостя; другие яростно сжимались в кулаки, пытаясь ударить; третьи застыли, решив перетерпеть это издевательство.

Цзин У ловко перехватил один из летящих в него кулаков и с преувеличенным восторгом принялся его наглаживать:

— Ох, какая нежная кожа! Какая гладкая ручка! Просто прелесть!

Остальные присутствующие лишились дара речи.

«Какая же беспардонная, дешевая и невыносимо раздражающая манера вести себя!» — подумали все.

Деревянный кулак здорового смуглого оттенка явно придерживался того же мнения. Он попытался вырваться, чтобы ударить сильнее, но Цзин У мертвой хваткой вцепился в его запястье и вывернул руку под прямым углом:

— Обожаю строптивых дикарей! Решено: забираю тебя с собой и повешу у себя в спальне, хе-хе...

Такого издеательства смуглая рука вынести не смогла. Она швырнула ему бумажку и поспешно скрылась в глубине изваяния.

Драться с Цзин У было бесполезно, терпеть его домогательства — выше всяких сил, а его наглость переходила все границы. В итоге деревянные конечности сдались без боя.

Довольный собой Цзин У шустро подбирал записки, явно жалея, что веселье так быстро закончилось.

Среди вороха бумажек скрывались новые виды пушистых монстров: Кокетливый кролик, Кролик-лавелас, Кролик-подонок, Несносный кролик...

В общем, ни одного приличного прозвища — деревянные руки сполна выразили свое отношение к наглому посетителю.

Пока из дверей лабиринта один за другим появлялись призванные существа, Цзин У не терял времени даром. Он велел Юэ Цзиньтаню подойти к изваянию и спровоцировать очередную порцию рук. Затем отправил на передовую Дун Лэя, а следом — Дин Сюэцюань. В стороне осталась только испуганная Линь Юань.

Хотя Цзин У не объяснял свой замысел, Юэ Цзиньтань подчинился беспрекословно. Остальные, доверяя опыту Бога Юэ и помня, что безумные идеи Цзин У каким-то чудом всегда срабатывают, тоже начали провоцировать по несколько конечностей сразу, мужественно снося сыплющиеся удары.

Кокетливые кролики, едва выбравшись наружу, ослабились в похотливых улыбках, но не успели они сделать и шагу, как из проходов хлынули новые полчища пушистых собратьев.

Кроличья стая замерла в замешательстве.

Цзин У заговорщически прошептал:

— Милашки мои, любовь между человеком и кроликом обречена на провал. Зачем вам эти двуногие? Обратите взор на себе подобных!

Уши Кокетливых кроликов удивленно приподнялись, а глаза алчно заблестели.

И правда! С эстетической точки зрения сородичи выглядели куда привлекательнее!

Вон те статные кролики, скопированные с Юэ Цзиньтаня — такие вежливые, благородные, холодные... Так и подмывает сорвать с них одежду!

А крепыши Дун Лэя? Настоящие атлеты с литыми мышцами, от которых так и веет первобытной силой!

Или серьезные кролики Тан Чжэня — такие правильные, сдержанные и рассудительные. До безумия хочется разбить эту маску хладнокровия и заставить их потерять над собой контроль!

Не говоря уже об очаровательных крольчихах Дин Сюэцюань — дерзких, сильных и независимых. Перед такими роковыми красотками никто не устоит!

У Кокетливых кроликов глаза налились багрянцем. И пусть численно они уступали остальным группам, их наглости и похоти хватило бы на десятерых.

— Вперед! Чего вы ждете? — подлил масла в огонь Цзин У.

Одержимая страстью орава бросилась врассыпную, преследуя выбранных жертв.

— Ухаживать надо красиво. Подарки там, цветы... Вон те деревянные кулаки отлично сойдут за букеты! — подсказал этот негодяй Цзин У.

Поскольку эти монстры были порождением его собственной натуры, они беспрекословно вняли совету. Даже когда другие кролики принялись нещадно их колотить, Кокетливые кролики не отступили. Они мигом взобрались на деревянное изваяние и принялись яростно грызть его острыми зубами.

Изваяние, если бы могло, точно бы лишилось дара речи.

С какой стати его же собственные творения обратились против создателя?

Деревянные кулаки и ладони в панике заметались, пытаясь стряхнуть наглых грызунов. Но все тщетно: кролики намертво вцеплялись зубами в древесину и продолжали упорно грызть ветви одну за другой.

Когда изваяние пустило в ход извивающиеся лозы, Цзин У пришел в восторг:

— Зубы в ход! Перекусывайте эти веревки и связывайте своих суженых! Неважно, взаимно это или нет, сначала тащите добычу в гнездо!

Юэ Цзиньтань и остальные уставились на него с немим осуждением.

Подобные варварские методы ухаживания явно пахивали уголовным кодексом.

— Да ладно вам, — отмахнулся Цзин У с невозмутимым видом. — В кроличьем царстве законы не писаны.

Там действительно не существовало ни законов, ни морали. Кокетливые кролики с радостью ухватились за идею и принялись наперебой перегрызать лозы.

Некоторые особо жадные особи решили, что одной-двух лоз им мало, и принялись охапками перегрызать ветви. Планы у них явно были грандиозные.

Деревянное изваяние было на грани уничтожения.

Многовековое величие рассыпалось в прах из-за одного-единственного проходимца.

Понимая, что новые записки больше ничего не дадут, Цзин У решил пустить в ход тяжелую артиллерию. Из своего рюкзака он вытащил Камеру жизни, принадлежавшую некогда Юй Хэшаню, и принялся безудержно фотографировать Кокетливых кроликов. С каждой вспышкой численность стаи удваивалась, пока весь Г-образный проход лабиринта не заполнился копошащимся пушистым морем. Кролики кишели повсюду: на полу, на стенах, на самом изваянии.

Тварь окончательно сломалась.

Лозы перегрызены, кулаки обломаны, даже зеленые стены лабиринта вокруг него оказались изжеваны до основания. Еще немного — и от грозного стража не останется даже щепок.

Дверь позади изваяния с грохотом распахнулась. Из глубины древесного нутра вырвался яростный, измученный рев:

— ВОИ!!!

Цзин У даже не шелохнулся. Он лишь вежливо протянул ладонь:

— А мы ничего не забыли?

Рука, пробивавшая деревянную голову насквозь, до последнего оставалась плотно сжатой. Услышав издевательский вопрос, она со злостью и обидой швырнула прямо в лицо Цзин У увесистый ларец.

Тот ловко поймал ее у самого носа, уберегая свое красивое лицо от увечий.

Этот запертый ларец оказался заметно больше предыдущего. На его крышке по-прежнему красовался лунный символ, но теперь это был уже полумесяц, а не тонкий рожок.

Вспомнив ларец Юэ Цзиньтаня, Цзин У резонно предположил, что внутри скрывается еще одна

фаза светила.

Не распечатывая находку, он спрятал ее в рюкзак и отвесил деревянному монстру изысканный поклон:

— До новых встреч, мой дорогой друг! Надеюсь, мы еще свидимся!

В ответ изваяние исторгло оглушительный, похожий на раскат грома рык:

— УБИРАЙТЕСЬ!!!

Под воздействием звуковой волны зеленая листва сорвалась со стен, закружившись яростным изумрудным смерчем. Поток ветра и листьев буквально вытолкнул группу сквозь раскрытые створки ворот.

Кроличья орда бросилась врассыпную. Пользуясь тем, что правила лабиринта не слишком их ограничивали, одни перемахивали через живую изгородь, другие спешно рыли норы, третьи устремились на территорию скульптуры девушки, а некоторые упрямо цеплялись за обрывки лоз, раскачиваясь на ветру.

Странно было другое: ни один кролик даже не попытался шмыгнуть в открывшиеся ворота.

Цзин У нахмурился.

"Они ведь явились оттуда. Почему же теперь так отчаянно избегают этого места?"

Что за ужас притаился впереди? Или там находится их инкубатор?

Створки ворот разошлись лишь наполовину, за ними царила абсолютная, зловещая тишина. Визуально этот проход казался куда безопаснее того, где горели багровые глаза Кровавого кролика. Но, глядя на паническое бегство ушастых монстров, группа невольно подобралась. Переступить порог следовало с предельной осторожностью.

Пути назад все равно не было — оставалось только идти вперед.

Стоило всем шестерым пересечь невидимую границу, как тяжелые створки за их спинами захлопнулись с глухим стуком.

По ту сторону мгновенно воцарилась гробовая тишина.

Рев израненного изваяния, писк улетающих кроликов, свист травяного вихря — все

исчезло в один миг.

Они словно провалились в иное измерение, полностью отрезанное от остального лабиринта.

Новый коридор оказался невероятно широким, образуя правильное, геометрически выверенное пространство.

Но еще более странными выглядели стены и земля под ногами.

Пол и стены были разделены на идеально ровные квадраты.

Трава под ногами напоминала гигантскую шахматную доску, где чередовались сочная зелень и голая бурая земля.

Точно такой же узор покрывал и стены: полосы густой листвы перемежались с голыми, сухими ветвями.

Складывалось впечатление, будто безумный садовник, страдающий тяжелой формой перфекционизма, методично выстригал каждый сантиметр этого коридора.

Цзин У прикинул размеры клеток и соотнес их с габаритами давешних кроликов:

— Слушайте, а не здесь ли плодятся эти ушастые? Может, в каждой ячейке сидит по кролику?

— Пчелы живут в сотах, а кролики в конурах? — хмыкнула Дин Сюэцюань. — Скажи еще, что это многоквартирный крольчатник.

— Все может быть, — Цзин У легонько постучал носком ботинка по зеленому квадрату. — Эй, есть кто дома?

Клетка не отозвалась. Впрочем, даже если бы там кто-то и был, кролики редко славятся разговорчивостью.

Юэ Цзиньтань обошел несколько секторов, внимательно изучая изгородь:

— Больше похоже на доску для го.

— И кто мы тогда? Пешки на этой доске? — Цзин У осекся. Мысль напарника уже не казалась глупой шуткой.

Он сделал еще несколько шагов, простукивая пол и стены, а затем замер, всматриваясь в вышину.

— Нашел что-то? — спросил Юэ Цзиньтань.

— Тебе не кажется, что мы внутри коробки? — Цзин У сощурился, глядя на небо. Звезды по-прежнему тускло мерцали во тьме, но свет их казался неестественным, словно пропущенным сквозь мутное стекло. — Будто нас накрыли крышкой.

Юэ Цзиньтань огляделся по сторонам:

— Песочница?

Цзин У шагнул на соседнее поле и шутливо запрыгал на одной ножке, как в детской игре в классики:

— Если приглядеться, каждая клетка смахивает на подарочную коробку. Словно кто-то приготовил сюрприз. Интересно, кому предназначен этот дар?

— Тебе.

Цзин У замер. Кто это сказал? Голос прозвучал пугающе знакомо.

Он как раз находился в прыжке и по инерции опустился на следующий квадрат.

Едва подошвы коснулись земли, как он осознал: с его телом происходит нечто неладное.

— Цзин У, берегись!

— Голова!

— Ноги!

— Твои ноги растворяются!

Позади слышались панические выкрики Юэ Цзиньтаня и Тан Чжэня.

"Моя голова безупречна, ноги великолепны, да и все остальное — шедевр искусства."

Ощущая, как реальность уходит из-под контроля, Цзин У мысленно хмыкнул с привычным самодовольством, хотя его слова уже вряд ли кто-то мог расслышать.

Его голова мягко отделилась от плеч и покатилась по земле, словно деталь конструктора. Следом на аккуратные прямоугольные бруски распалось и все остальное тело. Каждый фрагмент послушно соскользнул в отдельную ячейку, над которой тут же с сухим щелчком захлопнулась невидимая крышка. Все это действительно превратилось в аккуратные подарочные коробки.

Самое нелепое заключалось в том, что Цзин У оставался жив. Он не чувствовал ни боли, ни страха.

Оказавшись в крошечной тьме, он несколько раз моргнул. Ощущения были странными: казалось, каждая часть его тела заперта в отдельном тесном ящике, но при этом он продолжал воспринимать себя как единое целое.

Чертовщина какая-то.

Зачем лабиринту понадобилось разделять его на части?

И что стряслось с остальными?

Если их всех тоже расфасовали по коробкам, то кто вытащит его отсюда и соберет обратно?

Цзин У не знал, что ловушка захлопнулась для всей группы.

Юэ Цзиньтань рванулся к нему в ту самую секунду, когда Цзин У начал распадаться на части. Но стоило его ногам коснуться зеленых плит, как те затвердели, превратившись в монолитный камень. Напарник исчез прямо у него на глазах.

Юэ Цзиньтань впервые в жизни потерял хладнокровие. Он метался по площадке, тщетно пытаясь нащупать скрытый механизм.

Наблюдая за его метаниями, Тан Чжэнь окончательно избавился от последних сомнений относительно характера отношений между этими двоими.

— Цзин У наступил на зеленый сектор. Я проверю земляной, — крикнул он спутникам.

Не колеблясь, Тан Чжэнь решил пожертвовать собой ради эксперимента. Он шагнул на бурый квадрат прямо рядом с той зоной, где только что исчез Цзин У, и начал прыгать:

— Один, два, три, четыре, пять, шесть, семь!

На счете «семь» его постигла та же участь. Тело Тан Чжэня распалось на ровные сегменты и скрылось в недрах земляных плит.

— Земляные клетки тоже смертоносны! — в панике воскликнула Линь Юань, ее лицо осунулось от страха. — Я чувствую опасность повсюду! Мой дар предвидения здесь вообще бесполезен!

— Нет, дело в числах, — попыталась успокоить ее Дин Сюэцюань, лихорадочно соображая. — Нам просто нельзя делать седьмой шаг.

Она хотела спасти остальных, но совершать глупости не собиралась.

Вместе с Дун Лэем они решили действовать сообща.

Двигаясь плечом к плечу, они отсчитали ровно шесть шагов по бурым квадратам, держась как можно ближе к месту исчезновения Тан Чжэня.

Но стоило им сделать шестой шаг, как Дин Сюэцюань поняла, что ноги больше ее не слушают. Тело самовольно подалось вперед.

— Дун Лэй! Помоги! — в ужасе крикнула она.

Однако ответом ей был лишь глухой стон. Дун Лэй словно получил сильнейший удар в спину: его потянуло вперед, он потерял равновесие и тяжело наступил на проклятый седьмой сектор.

Дин Сюэцюань дернулась вслед за ним, мгновенно проваливаясь в беспросветную тьму.

Линь Юань с плачем кинулась за ними, выкликая имена друзей, но ее рыдания быстро переросли в глухой, сдавленный хрип и окончательно затихли.

В мгновение ока в огромном коридоре не осталось никого, кроме Юэ Цзиньтаня.

Он попытался сделать шаг, но его ноги словно приросли к полу.

Ему оставалось лишь бессильно наблюдать, как его спутников одного за другим разрезает на куски и затягивает в недра каменных плит.

Неимоверным усилием воли Юэ Цзиньтань подавил рвущийся наружу крик. Никакой паники. Только холодный расчет.

Он принялся лихорадочно сопоставлять факты:

"Они живы. Если бы система хотела их убить, игра бы уже закончилась. Цзин У слишком изворотлив, чтобы погибнуть в такой нелепой ловушке."

— А теперь найди своих друзей и собери из них идеальных воинов! — раздался под потолком звонкий детский голосок, сочащийся неприкрытой злобой.

Юэ Цзиньтань облегченно выдохнул.

Началось.

Раз от него что-то требуют, значит, шансы еще есть.

Главное — зацепиться за правила.

— Воинов? — уточнил он.

— Именно! — весело прощепетал невидимый ребенок. — Твой противник уже заждался на той стороне!

Раздался оглушительный скрежет. Огромная зеленая стена впереди медленно опустилась, открывая вид на толстую стеклянную перегородку. За ней стоял незнакомый мужчина.

А позади того громоздилась точно такая же гора зеленых и бурых коробок.

"Подарочные коробки..."

Стоило Юэ Цзиньтаню об этом подумать, как под ногами защелкали шестеренки. Плиты под его ногами пришли в движение, выталкивая на поверхность десятки кубических ящиков.

Зеленые и бурые сектора превратились в хаотично разбросанную по полу тару.

Внутри этих ящиков покоились фрагменты тел Цзин У, Тан Чжэня и остальных.

А узорчатый пол за стеклом теперь окончательно принял вид настоящей игровой доски.

Юэ Цзиньтань медленно втянул воздух сквозь зубы.

В детстве он максимум собирал деревянные конструкторы, а теперь ему предстояло заняться сборкой живых людей. Задача казалась безумной.

Голос сверху торжественно объявил:

— Добро пожаловать в игру «Бейся, блочный воин!»

— У каждого из вас ровно семь минут. Используйте детали из коробок, чтобы собрать дееспособного бойца для смертельной схватки!

— Проигравший лишится того, что дороже всего его воину!

На прозрачном стекле вспыхнули неоновые цифры:

[07:00]

Секунды безжалостно побежали вспять:

[06:59]

[06:58]

Юэ Цзиньтань мгновенно включился в работу, бросившись к коробкам. На той стороне стекла его соперник с лихорадочной спешкой делал то же самое.

— Время пошло! — радостно взвизгнул невидимый ребенок.

<http://bllate.org/book/20146/2208425>